

ИНТЕЛЛЕКТ ИЛИ ДЕНЬГИ?

Новаковская Ю.В.

Химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Чем отличается человек от всех остальных живых существ? Интеллектом. У многих животных есть мозг и более или менее выраженная способность к обучению, но лишь у человека этот инструмент настроен не только на обучение, но и на критический анализ, позволяющий генерировать новое знание, не сводимое к предшествующему обучающему опыту. И соответствующая способность развивается постепенно, по мере накопления каждым конкретным индивидуумом и человечеством в целом все большей суммы знаний. Сложные логические конструкции становятся доступными для понимания в более раннем возрасте, так что за время активной жизни индивидуум оказывается в состоянии продвинуться существенно дальше в развитии теоретических концепций или конструировании более сложных схем и аппаратов. Но логическое мышление должно быть дополнено образным, формирующимся по мере знакомства с литературными и музыкальными произведениями, живописными полотнами и архитектурными памятниками... И это должны быть не бездушные комбинации звуков, созданные с помощью электронного синтезатора, и не запечатленные на холсте сочетания кругов, квадратов и шестеренок, по мнению автора являющие собой абстрактный образ современной машинной цивилизации. И то, и другое, именуемое постмодернистскими

направлениями в музыке или живописи, – типичный продукт деградирующего интеллекта. Да, иногда, чтобы привлечь внимание людей к проблемам, порождаемым развитием технологии в ущерб общему культурно-интеллектуальному развитию, можно воспользоваться и убийственным контрастом между гармонией природы и механистичностью современного существования. Но лишь для этого. А не для того, чтобы подобное «искусство» сделать нормой, по возможности уничтожив в людях стремление к прекрасному, заложенное в них от рождения. Именно это стремление должно составлять фундамент любых серьезных преобразований, реализуемых народами, будь то организация социальной жизни людей или совершенствование технологий, открывающее перед человечеством новые возможности гармоничного развития.

Что есть человек без этого? Механическое существо, которое, стремясь к самореализации, видит единственную возможность – встроиться в работающий механизм, став одной из множества согласованно вращающихся шестеренок. Изменить механизм кажется нереальным в силу его сложности и вовлеченности огромного числа людей и связей между ними. Поэтому оптимальным решением представляется поиск такого места в этом механизме, которое обеспечивало бы наиболее комфортное существование. В отсутствие общей культурной среды единственным критерием комфорта оказываются деньги, ибо их количество определяет круг и качество доступных продуктов и предметов, создающих видимость благополучия.

Для поддержания существования нынешней глобальной финансовой системы только это и нужно. Ей не нужны люди, которые захотят что-то изменить и перестроить. Ей нужны винтики и шестеренки. А главное свойство универсальных шестеренок, встраиваемых в любую схему, – это их нежесткость. Это незнание корней, отсутствие четко сформированного поколениями отношения к жизни, восприятия ее смысла и идейной основы. Жесткость конструкции (приверженность определенным ценностям, народным

или семейным) не позволяет легко включить ее в любой требующийся в данный момент механизм. И никакая смазка (пропагандистская обработка) не поможет. Если же сформировать легко деформируемый объект, у которого нет стержня, его в любой нужный момент можно «подрегулировать» и вставить в актуальную машину, будь то уничтожение неудобного государства-конкурента на мировой арене или уничтожение отдельных ему же подобных, но несколько более развитых интеллектуально современников, которые своими попытками анализа мешают создать простой универсальный механизм контроля над всеми сферами производства и потоками сбыта продукции.

И надо заметить, что высокий общий технологический уровень вовсе не препятствует движению в указанном направлении, к унификации и обездушиванию человеческого материала. Он вовсе не определяет высокий индивидуальный уровень развития отдельных личностей. Как раз наоборот. В некоторый момент объем сложных технологических конструкций превышает то, что способен воспринять среднестатистический индивидуум, не имеющий хорошего образования. У него возникает ощущение непостижимости того, как это функционирует, и одновременно (благодаря всё тому же технологическому прогрессу) видимой легкости управления всеми этими устройствами. И как закономерное следствие, у индивидуума пропадает желание разобраться в том, как все это устроено, – ему достаточно того, что одни «умные игрушки» (различные агрегаты, начиная от стиральных и гладильных машин или роботов-пылесосов и заканчивая мультикухнями) позволяют не тратить время на всевозможную домашнюю работу, а другие (компьютеры, планшеты и всевозможные приставки) – занять освободившееся время, причем занять, как правило, вовсе не чем-то интеллектуальным и развивающим, а, наоборот, в конечном счете отупляющим и неизменно отключающим от окружающей действительности. На первый взгляд, очень удобная глобальная конфигурация: винтик эффективно делает то, что от него требуется для производства или

распространения определенной продукции, а в свободное время отключается от всего вокруг и, как ему кажется, отдыхает, не проявляя никакого интереса к происходящему в мире, будь то его многоквартирный дом, город, государство или планета в целом.

В эту концепцию очень точно вписываются высказывания ряда отечественных деятелей, прозвучавшие на гайдаровском форуме в этом году. Опасения главы Сбербанка связаны с тем, что «мы пытаемся воспроизводить старую советскую абсолютно негодную систему образования, мы напихиваем в детей огромное количество знаний». Это действительно пагубно для той глобальной конструкции, в которую он встроился. Зачем там люди, более всесторонне интеллектуально развитые, которые способны не только заметить все изъяны существующей системы, но и найти способы их устранения (вместе с авторами). Вообще, это показательное высказывание вызывает в памяти короткий рассказ-эссе, мини-антиутопию, в котором представлены переживания родителей, чей ребенок, подрастая, достигает возраста, когда должен пройти тестирование на приемлемость его интеллектуального уровня. И основная задача любящих родителей – не допустить того, чтобы в голове ребенка появились лишние знания или мысли, ибо это приведет к тому, что по результатам теста его уровень превысит допустимый порог, и он будет подлежать нейтрализации. Когда-то нормальному человеку в нашей стране такой сюжет казался абсолютной гиперболой, в принципе абсурдной, а потому нереальной. Но, как показывает жизнь, нет ничего невозможного.

В данном контексте лишь удивляют те критические замечания, которые высказывают некоторые коллеги вышеупомянутого деятеля, в целом поддерживая его идеи. Например, директор Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС) огорчен тем, что «приходят люди с неплохими знаниями, но абсолютно инфантильные, не способные работать в команде, брать ответственность». А как может винтик

брать на себя ответственность и принимать решения? В школе его главной задачей было научиться правильно угадывать ответы на вопросы тестов ЕГЭ, не задумываясь о том, почему это так и может ли быть иначе. Если вы научили человека работать в рамках одной единственной парадигмы, согласно которой есть известные рецепты и знания, которые в определенной ситуации могут быть применены, и более ничего, то почему вы хотите, чтобы потом этот же человек вдруг начал что-то критически переосмысливать, предлагая нетривиальные подходы к решению задач? Его этому не учили. Наоборот, его от этого всячески отучали, ибо «многие знания – многие печали» на тесте или экзамене, где, как уже давно подмечено, легче всего находят правильный ответ те ученики, чьи мозги не обременены «лишними» знаниями, заставляющими их сомневаться в однозначности ответа на не очень корректно сформулированный вопрос. Конечно, многие наши дети по-прежнему находчивы и сообразительны: наиболее умные понимают, чего от них хотят, и выбирают подходящий вариант ответа, одновременно осознавая, что в действительности ответ на предложенный вопрос неоднозначен. Это значит, что претворяемая в жизнь реформа нашей отечественной системы образования все еще не смогла уничтожить когда-то лучшую в мире образовательную систему, что признавали и признают многие и на Востоке, и на Западе. Конечно, с точки зрения встраивания в формируемую глобальную конструкцию это недопустимо. Потому и требуют глава Сбербанка и его идеологические соратники ускорить процесс развала, начиная с детских садов.

Судя по всему их идеал – страна Океания из «1984» Джорджа Оруэлла. И не имеет значения, работал Оруэлл на английскую военную разведку МИ-6 или нет. Не исключено, что работал, поскольку изнутри знал, какую систему хотят создать, о чем и предупреждал человечество. В настоящий момент это более чем очевидно. Помните, каково устройство этого государства? Есть Старший Брат, возраст которого уже неясен, но который олицетворяет непогрешимую власть в государстве. Под Старшим Братом –

внутренняя партия – мозг государства, – численность которой чуть меньше двух процентов населения Океании. Под внутренней партией – внешняя; которая претворяет в жизнь все решения. Ниже – бессловесная масса, именуемая «пролами», которые составляют около 85% населения. Это очень устойчивая конструкция, поскольку «правители соединены не кровными узами, а приверженностью к доктрине» (в наши дни – глобальной финансовой системе), а пролетариев бояться нечего. «Предоставленные самим себе, они из поколения в поколение, из века в век будут все так же работать, плодиться и умирать, не только не покушаясь на бунт, но даже не представляя себе, что жизнь может быть другой. Опасными они могут стать только в том случае, если прогресс техники потребует, чтобы им давали лучшее образование; но, поскольку военное и коммерческое соперничество уже не играет роли, уровень народного образования фактически снижается. Каких взглядов придерживаются массы и каких не придерживаются – безразлично. Им можно предоставить интеллектуальную свободу, потому что интеллекта у них нет». Похоже, таков и есть идеал реформаторов нашей системы образования. Всегда найдется 10–15% подрастающего поколения, обладающих неплохими способностями. Им можно дать возможность получить более хорошее образование сначала в специализированных школах или лицеях с углубленным изучением определенных предметов, а затем – в университетах. Интеллект же остальных вполне можно и не развивать. Лишняя информация, поступившая в мозг, – это лишние проблемы для государственной системы.

Собственно, наша страна далеко не первая, где определенные круги пытаются реализовать такой проект. Благодаря Ассанжу и Сноудену, мы имели возможность понять, что описанная Оруэллом слежка за всеми – это тоже уже не гипербола. Это реальность, ставшая таковой благодаря современному уровню развития коммуникационной техники и программного обеспечения, в том числе и шпионского назначения. Помните? «Член партии с рождения до смерти живет на глазах у полиции мыслей. Даже оставшись один, он

не может быть уверен, что он один. Где бы он ни был, спит он или бодрствует, работает или отдыхает, в ванне ли, в постели – за ним могут наблюдать, и он не будет знать, что за ним наблюдают. Небезразличен ни один его поступок. Его друзья, его развлечения, его обращение с женой и детьми, выражение лица, когда он наедине с собой, слова, которые он бормочет во сне, даже характерные движения тела – все это тщательно изучается».

Но мы несколько отвлеклись от обсуждения того, как легко может глобальная финансовая система манипулировать людьми, имеющими недостаточно развитый интеллект, сформированный в отсутствие хорошего базового образования. По Оруэллу, достаточно применять всего две основные технологии. Это постоянная подпитка ненависти к внешним врагам и внутренним изменникам. «Недовольство, порожденное скудной и безрадостной жизнью, планомерно направляют на внешние объекты и рассеивают при помощи таких приемов, как двухминутка ненависти». И «ежеминутная гибкость в обращении с фактами», выражаемая словом новояза белочерный, которое в применении к оппоненту «означает привычку бесстыдно утверждать, что черное – это белое, вопреки очевидным фактам». В качестве сопутствующей меры реализуется непрерывная переделка прошлого, в частности, необходимая потому, что «партиец, как и пролетарий, терпит нынешние условия отчасти потому, что ему не с чем сравнивать. Он должен быть отрезан от прошлого так же, как от зарубежных стран, ибо ему надо верить, что он живет лучше предков и что уровень материальной обеспеченности неуклонно повышается». Это еще одно ключевое условие, повсеместно претворяемое в жизнь в наши дни, а точнее на протяжении уже приблизительно полутора столетий.

Как формировалась американская нация на севере и почему необходимо было покорить юг с благодатной для земледелия природой и богатый нефтью? Потому что одним из основных принципов построения нового американского государства было отсутствие связей с другими культурами и традициями. Об отсутствии

традиций у янки с севера, контрастирующем с традиционализмом жителей юга, многое сказано у Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. В некотором роде квинтэссенция этого контраста выражена во впечатлении одной из его героинь, приехавшей со знойного юга в гости к предлагающему ей руку и сердце активному и деловому янки. Его дом походил на выставку дорогих вещей, ни одна из которых не была старше пятнадцати лет. Вот оно. Не с чем сравнивать. Нет традиций и культуры, как семейной, так и народной, передаваемой из поколения в поколение. Можно начинать с чистого листа и формировать людей так, как хочется.

В принципе того же результата можно добиться, если в культурно развитой стране с богатыми многовековыми и даже тысячелетними традициями уничтожить исторические памятники, сжечь литературные произведения, изменить стандарты образования, «разбавить» коренные народы пришельцами, имеющими существенно более низкий культурный уровень (ведь готовы переселяться в другие страны, как правило, те, кто не чувствует необходимости сохранять культуру и традиции родной земли). Этот проект прекрасно реализуется на протяжении уже более чем восьмидесяти лет в Европе, постепенно расширяясь и охватывая все новые территории. А в последние десятилетия ареалом для новой фазы эксперимента стали северная Африка и ближний Восток. Нет рукотворных памятников и свидетельств культуры прошлого – нет и самого прошлого.

Если не получается всё это уничтожить, можно попробовать опорочить и очернить всё то или многое из того, что составляет историю конкретного народа, чтобы его представителям начало казаться, что все достижения их предков – либо миф, либо почти преступление, которого надо стыдиться. Не могу не процитировать в этой связи Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; пренебрегать ею есть постыдное малодушие». А для того чтобы гордиться, надо быть, прежде всего, образованным человеком. Патриотизм – это не сиюминутная радость по поводу того, что сборная страны в каком-то виде спорта выиграла чемпионат мира

или что определенные войсковые подразделения смогли выполнить более или менее сложную задачу в той или иной части света или своей родной страны. Это не временная влюбленность, которая испарится, как только первые бурные эмоции сменятся будничной рутинной. Это та любовь, которая может быть пронесена через десятилетия, от которой не могут заставить отказаться никакие сложности, испытания и препятствия на жизненном пути. И такой патриотизм может быть лишь у того, кто осознает себя частью своего народа, его истории и культуры, ради сохранения которой он готов пойти на многое, понимая, что принесенные сегодня жертвы – залог будущего существования и развития. Понимание всего этого приходит по мере формирования индивидуума в определенной культурной среде. И его невозможно обратить в ничто при одном базовом условии: когда обладая достаточно большим объемом знаний (не только общих гуманитарных, но и естественнонаучных), человек смог не только прочувствовать всю глубину и силу традиций и наследия предков, но и осмыслить все это, подкрепив эмоциональное восприятие критическим анализом.

Культура, которая невозможна без образования, – основное условие существования народа и государства. Краху всех великих цивилизаций предшествовало драматичное снижение общего культурного уровня населения, причиной которого, как правило, было либо обнищание народа, вызванное ухудшившимися климатическими условиями и, как следствие, неурожаями и голодом, либо чрезмерное «процветание», как ни парадоксально это звучит. Две противоположности, диалектически сходящиеся к одному результату. Отсутствие необходимости «выживать», преодолевая сложности, благодаря большому богатству, например, полученному при завоевании чужих земель, дает ощущение доступности всех благ при отсутствии необходимости собственного развития. С этого и начинается деградация и вырождение. Мы имеем возможность наблюдать это и в наши дни на примере западноевропейской цивилизации. Она уже неоднократно за свою полутысячелетнюю

историю возвышалась за счет ограбления народов Азии и Африки. Сначала это «спасло» ее при общем обнищании и деградации населения в период инквизиции, а затем – в XX веке, когда последним источником спасения катастрофически сжимавшейся системы стало поглощение этой системой государств, в большей или меньшей степени обескровленных в ходе Второй мировой войны, и последовавшее за ним освоение новых рынков дешевой рабочей силы, а затем и сбыта произведенной продукции. В обоих случаях общее благосостояние ряда европейских народов существенно возрастало, и нынешний их демографический и моральный кризис – закономерное следствие. В отсутствие необходимости «сражаться» за существование, при постоянной доступности всего необходимого для комфортной жизни человек начинает деградировать. Поэтому ограбленным народам в чем-то повезло. Хотя их исторические памятники были разрушены или похищены и вывезены за пределы их стран, и они, таким образом, лишились значительной части поддерживающей их истории предков, они были вынуждены выживать в сложных условиях и потому не утратили стремления к совершенствованию. Когда-то это было стремление к производству более вкусных продуктов или более красивых вещей. Но по мере того, как образование становилось общедоступным, у людей появлялось стремление к саморазвитию, к расширению своих знаний. И это ключевое условие существования земной цивилизации.

Что же касается современного этапа, то западная цивилизация стоит на пороге, возможно, крупнейшей катастрофы, предотвратить которую уже едва ли возможно, ибо ресурсы дальнейшего обогащения за чужой счет исчерпаны, а население утрачивает способность «жить вопреки». Его слишком долго после Второй мировой войны старательно превращали в потребителей, искореняя казалось бы пагубную агрессивность, ставшую как раз причиной последней войны. Но, как точно подметил еще Станислав Лем в романе «Возвращение со звезд», искоренив агрессивность (путем блокировки соответствующих генов), человечество оказалось

неспособно на сильные чувства, в том числе и любовь. Для периодической эмоциональной встряски людям требовалось посетить специальные аттракционы, где создавалась иллюзия преодоления сложнейших препятствий (сплав по бурной реке или проход над пропастью), на деле не требовавшей никаких умений и сноровки. «Мы ликвидировали ад страстей, и тогда оказалось, что вместе с ним исчез и рай» – подытоживает один из героев.

Да, неконтролируемая агрессивность отдельных индивидуумов и целых народов пагубна как для них самих, так и для окружающих. Спровоцировать ее легко, например, с помощью описанных Оруэллом двухминутки ненависти, геббельсовской пропаганды или сюжетов современных средств массовой информации. Но единственно правильным и возможным средством борьбы с ней должно быть не выхолащивание эмоциональной сферы, а недопущение «обработки» населения. И одним из ключевых условий оказывается высокий общий культурный и образовательный уровень населения, которое само контролирует качество и стиль преподносимой ему информации. Чем хуже образование, тем легче манипулировать сознанием людей.

И здесь мы подходим к кажущемуся противоречию, ведь страны Европы в последние десятилетия предприняли на первый взгляд совершенно необходимые и правильные меры по улучшению своей образовательной системы, подписав сначала Великую Университетскую Хартию, а затем Болонскую декларацию, нацеленные на создание общего образовательного пространства с едиными для всех правилами. Но, как и все что делается в современном мире, это начинание полностью отвечает другой оруэлловской формуле. Сначала декларируется равенство всех, а затем постепенно лозунг уточняется: «Все равны, но некоторые более равны» («All are equal, but some are more equal»). Прежде всего, невозможно создать одинаковые условия для получения образования во всех странах (восточной и западной Европы) по причинам как финансового, так и национально-исторического характера. Соответственно, сохраняются центры притяжения – престижные

старые университеты Германии, Франции, Англии, Италии, которые вбирают в себя наиболее талантливых представителей молодого поколения, зачастую покидающих свои родные страны. Условия последующего трудоустройства в разных странах тоже неравноценны, а потому опять-таки более способные остаются в странах с более высоким общим социальным уровнем. Классическая физическая картина: поток устремляется в сторону аттрактора, обедняя окрестные регионы. Если новые кадры, получив хорошее образование, не возвращаются в свои страны, уровень образования и культуры там неуклонно снижается. И ничего похожего на единое «равномерное» образовательное пространство не получается. Те страны, которые «более равны», усиливаются за счет подпитки извне, обескровливая соседей. И эта тенденция не будет переломлена до тех пор, пока единая мировая финансовая структура, имеющая определенные центры, не будет уничтожена. В существенной степени и Россия, не будучи напрямую включена в европейское образовательное пространство (хотя ее ведущие Университеты подписали Университетскую Хартию, а министр образования – Болонскую декларацию), на протяжении трех последних десятилетий теряет основное свое богатство – талантливых молодых людей, которые, не имея возможности найти хорошо оплачиваемую (с хорошими социальными условиями) работу в сфере науки и образования, вынуждены эмигрировать в Европу, Америку или Канаду. Таким образом, мы, по-прежнему, давая молодежи хорошее высшее образование, работаем по сути на мировую финансовую систему, одной из задач которой является полное поглощение и нашего государства.

Еще один немаловажный момент. Даже если бы в Европе захотели ввести общие социальные стандарты во всех странах и создать действительно равные возможности для получения образования и последующего трудоустройства, унификация образовательных подходов едва ли сыграла бы положительную роль. Нельзя искоренять национальные традиции, уничтожать национальную

идентичность, которая проявляется во всех сферах жизни, играя важную роль и в образовании. Исторические и культурные традиции накладывают свой отпечаток на методики преподавания различных дисциплин, вплоть до более или менее понятных образов и аллегорий, без которых невозможен процесс обучения никакому предмету. Более того, как уже было сказано выше, общая культура слушателей объединяет их, тогда как отсутствие культуры или приверженность разным традициям разобщает. Лишь в едином социокультурном пространстве формируется полноценная личность, правильно воспринимающая окружающий мир и позиционирующая себя в нем. Уничтожение национальной идентичности – путь к общему краху.

Не бывает и не может быть мультикультурализма. Либо культура есть, либо ее нет. Возможен мультитрадиционализм. Но это как раз то, что может реализоваться в союзе неунифицированных государств, когда каждый народ придерживается своих исторически сложившихся традиций. Сложившихся в силу множества причин, начиная с климатических условий, неизбежно накладывающих отпечаток на генетические особенности и черты характера представителей данного народа, и заканчивая взаимоотношениями этого народа с соседями на протяжении всей истории его существования. И как при воспитании детей необходимо учитывать специфику восприятия ими тех или иных методик, так и при формировании культурного и образованного общества необходимо учитывать национальные особенности. Впоследствии представитель одной культуры, имея достаточный объем осмысленных знаний, вполне может не только найти общий язык, но и вписаться до определенной степени в иную культурную среду с иными традициями, хорошо понимая, где та грань, которую переходить нельзя, дабы не оскорбить чьи-то чувства. Но этому должен предшествовать достаточно долгий процесс формирования личности в привычной для нее среде.

Если же перемешать недостаточно образованных представителей разных культур, ничего хорошего получить нельзя. В лучшем случае это будет агломерат, составленный из обособленных групп

представителей разных культурных течений, пытающихся как-то сохранить свою идентичность. В худшем случае это будет хаос, который только в термодинамике являет собой оптимальное (в энтропийном плане) состояние. В человеческом же обществе (как, впрочем, и в реальных термодинамических системах) рано или поздно возникнут центры кристаллизации. И центрами этими будут те, кто (в терминах, использованных нами в начале статьи) обладает прочным недеформируемым стержнем. Те, кто понимает необходимость сохранения своей культуры. И в нынешних условиях таковыми будут не коренные жители Европы, а выходцы из стран Азии и северной Африки, потому что они оказались вне дома и им надо выжить, а это очень серьезный стимул к сохранению своей идентичности. Таким образом, лишая многие народы своей истории и культуры, заставляя их переселяться в иные страны, и, тем самым, пытаясь уничтожить национальные идентичности и превратить людей в винтики, современная мировая финансовая система в конечном итоге уничтожит сама себя, а мировая цивилизация будет отброшена на столетия назад.

В принципе у нас еще есть возможность если не полностью предотвратить катастрофу, то хотя бы уменьшить ее разрушительную силу и смягчить последствия. Необходимое условие этого – понимание всеми теми, кто в базовых документах реформирования европейской образовательной системы именуется университетским сообществом, что наука и образование – это не источник доходов, а абсолютно необходимая базовая составляющая существования человечества. И усилия надо прилагать не к тому, чтобы окончательно превратить науку в один из агрегатов мировой финансовой конструкции, а к тому, чтобы сделать ее двигателем прогресса, не только и не столько технологического, сколько морально-культурного. Иначе через пару поколений современный индекс цитируемости будет рассматриваться нашими потомками не как показатель научных достижений отдельных представителей научного сообщества, а как критерий того, кого следует считать врагом уже не

отдельного народа, а всего рода человеческого. В погоне за деньгами (объем которых определяется, в том числе, и индексом цитируемости) многие забывают о том, что основная задача ученого не нагромождать бесцельно факты (или порой их имитации), а формировать научные концепции, многократно проверенные и подтвержденные результатами экспериментов. На первый взгляд, парадоксально, но в действительности закономерно, что экспоненциально возрастающий в последние десятилетия объем научных работ, публикуемых во всевозможных журналах, явно не коррелирует с количеством серьезных научных открытий. Сто лет назад их было в процентном отношении на несколько порядков больше. Научные результаты – это не валовый продукт. А если их превратить в таковой, то через несколько десятилетий почти все они окажутся в отвалах, не имеющих никакой ценности.

Задача людей образованных – сохранять научные и культурные традиции, передавая их следующим поколениям, и пытаться донести до власть предержащих, что разрушение системы образования – это разрушение государства. Это преступление (именно такой будет оценка наших потомков) может быть предотвращено лишь в том случае, если главным приоритетом государственной политики станет национальное образование и культура!